

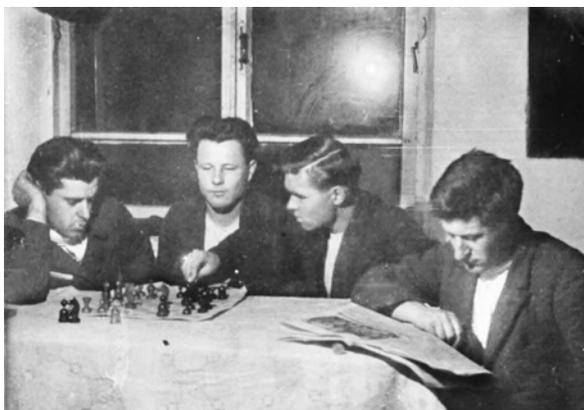
Срочная служба в команде
одногодичников. 1932 г.

Котя Малай. Сулюкта. 1934 г.

И поехал искать судьбу в Киргизию. Его сманил туда друг односельчанин, Котя Малай, геологоразведчик. Там в районе сулюктинского месторождения бурого угля возобновлялись поисковые работы. Вместе двинули в Среднюю Азию. Проездом, в ноябре 1933 года, отец сделал попытку найти работу в Ташкенте, но в вузах было всё укомплектовано. Тогда решил идти с другом в буровую партию. Но в Сулюкте всё решилось иначе. Узнав, что отец по образованию учитель, сказали: нет, как можно, с таким дипломом! У нас в школе кадров не хватает. И уговорили, отец пошёл в школу. Он всегда увлекался литературой, думал, именно это его призвание. А тут столкнулся с проблемой – ученики плохо говорили по-русски! Надо было найти способ, как их быстро научить. Чтобы говорить о литературе. Чтобы читать стихи и ставить пьесы. И он начал создавать методику преподавания русского языка. Так с 1933 года начался киргизский период его жизни, основной период.

Тогда же он увлекся рисованием. Он вообще много чем увлекался. Например, в возрасте двадцати лет купил скрипку и научился играть на ней. Конечно, не стал

Шахматы. Слева Котя Малай, справа Петр Харакоз.
1934 г.

Первый сын Жора с матерью,
Любой Сафоновой. 1936 г.

Драмкружок на привале после концерта в кишлаке
Исфана. Петр Харакоз стоит задумчивым Гамлетом
в центре. 1934 г.

виртуозом, но играл вполне прилично, меня научил.

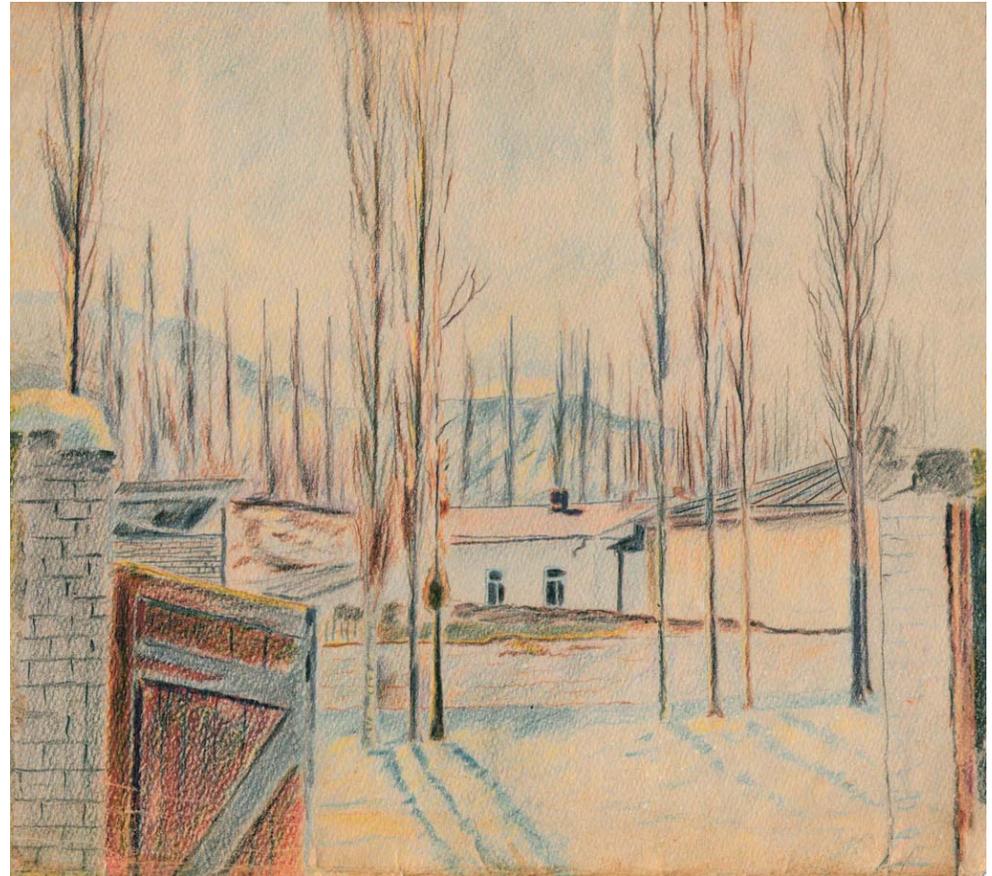
На любительских снимках того времени вполне характерные сюжеты. Вот в общежитии за столом играют в шахматы. Здесь три типичных момента. Во-первых, тут Котя Малай, он слева. Во-вторых, тут шахматы – это одно из постоянных увлечений отца. А справа он сам, якобы читает газету. В альбоме, откуда взят фотоснимок, его иронический комментарий: «Думает о шахматах, а смотрит в газету, потому что на него смотрит объектив». Эта всегдашняя его самоирония и есть третий типичный момент.

Ещё одно увлечение – драмкружок. Он был режиссёром и суфлёром. Рассказывал комичные истории, когда из суфлёрской будки приходилось так громко чертыхаться в адрес недоучивших слова актёров, что слышал весь зал и взрывался смехом. На одном из снимков – привал на пути домой после концерта в отдалённом кишлаке.

1935-й год. Фрунзе. Первая семья, с Любой Сафоновой, он привёз её из Сулюкты. Первый сын Жора, наш единокровный брат. Семья обитала в шестой школе, что на Дзержинке. На рисунке вид из двора школы. Это место – снег и тополя – много раз встречается в его набросках.

Вообще, тополя и горы – любимый мотив, повторённый в масле, акварели, карандаше. В горы нельзя не влюбиться, это понимает всякий здесь живущий. Он делает быстрые зарисовки в пути или глядя из окна комнаты во время подготовки к занятиям (а к занятиям он всегда тщательно готовился, шевеля губами и жестикулируя, репетируя лекцию, «проигрывая» её возможные сюжеты), рисует в гостях у коллеги, Славнова-Цаплина, в Ново-Николаевке, украинском селе в пятидесяти километрах от Фрунзе по Ташкентскому тракту. Потом обрабатывает эскизы дома.

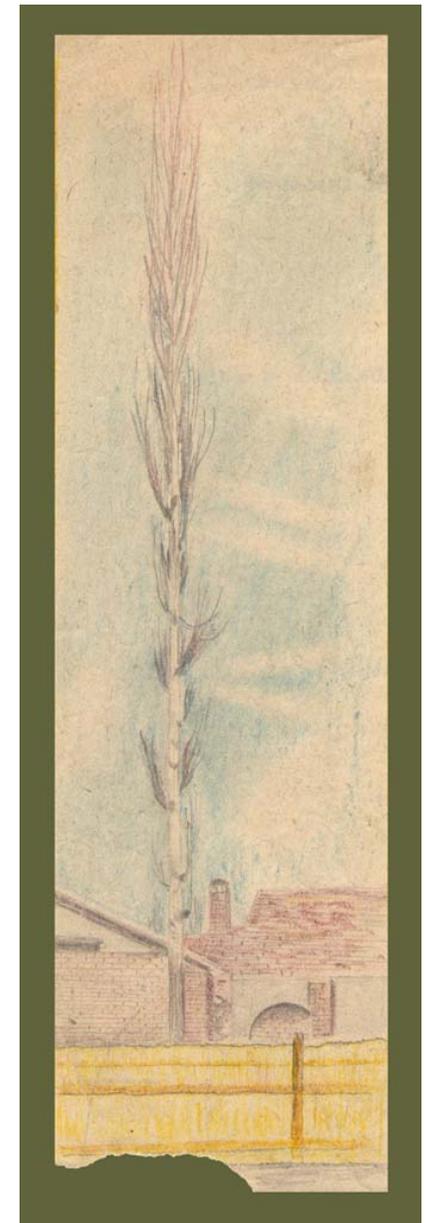
Украинская тема – повод для ностальгии. Поэтому на рисунках то парус на морском просторе, то баркас на тихой воде, то церковь в родном селе. Церковь была разрушена в известные лихие времена, набросок сделан по памяти.

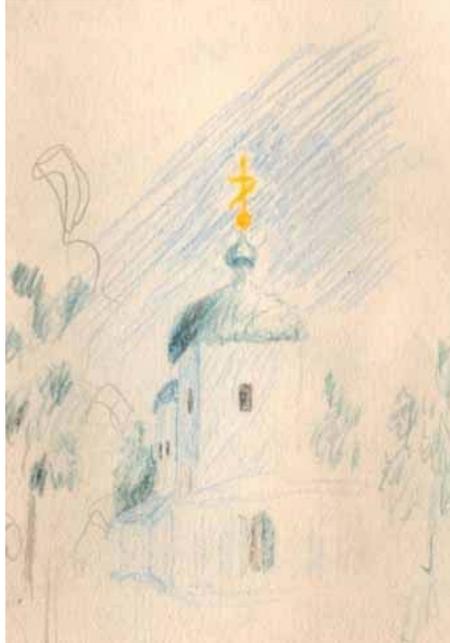
Вид из двора шестой школы. (Цв. карандаш)

Кизяки. 1946 г. (масло)

Зимний тополь. 1937. (Цв. карандаш)

Сарганская церковь (ностальгия).

...Из лихих времен нельзя не рассказать важный эпизод. Отец был завучем в сарганской школе, что на третьем квартале. Это 1932-33 годы. Представим себе атмосферу того времени. Село с устоявшейся патриархальной социальной структурой, ещё не порушенной. Новый страшный голод – «голод коллективизации». Вновь продразвёрстка – «изъятие излишков» это называлось; ходит по домам комиссия и «излишки» зерна подчистую изымает. И было властям важно, чтобы в такую комиссию входила не только сельская беднота, надо интеллигенцию к делу привлекать. А тут молодой перспективный учитель, комсомолец. Отца вписали в комиссию. И вот, рассказывает он, пришли в дом. Комиссия – кто куда: кто в амбар, кто на чердак, кто в хлев. Он заходит на кухню. Сидят, худющие, женщина с двумя детьми и старик. Отец проходит мимо печки и замечает, как окаменели их лица. Тогда он подходит к печке, поднимает вьюшку плиты – там завернутые в бумагу «излишки», сколько их там в печке можно было поместить, в слабой надежде спасти детей от голодной смерти...

Кладёт вьюшку на место. Комиссия собирается, ничего нигде не нашли, двинули со двора. Старик семенит за отцом, трогает за рукав и спрашивает: «Чей ты сын?..»

Комок в горле, когда это рассказываешь. Нет оценки выше...